

DOI 10.5862/JHSS.244.1
УДК 101.1:316

Е.А. Кочнев, Ю.Д. Мишин

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОПАСНОСТЕЙ МИРНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Рассматривая проблему терроризма, авторы статьи показывают, что разбалансированность межрегиональных и транснациональных отношений с неизбежностью ведет к трансформации терроризма из глобальной опасности в глобальную угрозу. Терроризм приобрел масштабы мирового явления, а реальные возможности организаторов движения позволяют рассматривать его динамику как потенциальную глобальную опасность для мирного развития человечества. Только всемерное включение механизмов гражданского общества, образования и науки в антитеррористическую политику сможет предельно сузить социальную базу международного терроризма и тем самым предотвратить глобальную угрозу. Рассмотрены субъективные предпосылки распространения терроризма.

АНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА; ГЛОБАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ; ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ; ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Актуальной проблемой и по масштабу, и по агрессивности для переходного времени от XX к XXI столетию стал терроризм. Своими корнями террор уходит в глубь истории, но глобальной проблемой он стал именно сейчас, и на то имеются причины, как объективные, так и субъективные.

Исследование феномена терроризма ведется давно и с разных ракурсов. Терроризм изучают историки, политологи, психологи, правоведы, спецслужбы. Нас терроризм заинтересовал особенностью своего глобального масштаба. Логика проста: если объект исследования обрел определенный исторический статус, то нужно попытаться разобраться в нем в системе подобного масштаба явлений, рассмотреть как одну из глобальных опасностей в контексте уже имеющихся. Надо подчеркнуть переходный период терроризма из глобальной проблемы в глобальную угрозу, определить контрмеры со стороны общества.

Опасность существования имманентно присуща всему живому. Борьба за выживание – базовое условие жизни. Ф. Ницше был прав: «Жить – значит находиться в опасности» [1, с. 26]. Различаются формы и регуляторы, защищающие живой организм от опасностей. Жизнь человека не является исключением.

Со временем опасности человеческой жизни социально диверсифицировались, приобрели формы, соответствующие социальным субъектам и деятельности. К опасностям существования индивидуума, рода добавились национальная, региональная, глобальная и опасности отдельных видов общественной деятельности. Никакой общественный прогресс не устранил реальность опасности и не сделает проблему безопасности социально неактуальной. Даже предположив идиллическое будущее по райскому образцу, нам не удастся разминуться с опасностью угрозы человеческому существованию. Опасность примет космические

масштабы. К. Ясперс справедливо заметил: «Рассматривается ли время под углом зрения политики, благополучия людей, процветания искусства или оставшейся еще возможности человеческого существования, ощущение опасности проходит через всё последнее столетие: человек ощущает угрозу» [2, с. 295].

С определенностью можно сказать одно: когда человечество, преодолев существенные разногласия, консолидируется, то оно минимизирует реальность опасности, а чувство угрозы сводит к ощущению беспокойства. Беспокойство — чувство позитивного уровня, фактор поддержания энергии созидания. В наше время актуализируются все те действия, которые помогают продвижению человечества к солидарным отношениям, в связи с чем противники транснациональной солидарности на культурной, религиозной, экономической, политической почве из внутринациональных оппонентов превращаются в общечеловеческое зло.

Брошенный камень опасен сам по себе, но неизмеримо большую опасность имеют цель и время действия. Уместно вспомнить библейское наставление о «времени разбрасывать и собирать камни». У системы всегда есть свои слабые места, особенно она уязвима в период становления. Системообразующий фактор должен раскрыться и доказать способность существования в конкурентной среде. Система «безопасного» мира — это конструкция, минимизирующая опасности движения человеческого бытия к солидарным формам. Она выстроена из баланса универсальных, региональных и национальных интересов. Осуществимость такого построения гарантируется гуманистической сущностью подлинных ценностей, мотивирующих деятельность всех социальных субъектов. Ценности выражают отношение человека к необходимым явлениям жизни и, по сути, подчеркивают единство человеческой природы, указывают на общность условий ее реализации.

Наличие национальных и региональных историй накладывает отпечаток на конкретное выражение ценностей, конфигурацию ценностного рейтинга, что закономерно с точки зрения диалектики развития и никак не препятствует достижению солидарности: «...из расходящихся — прекрасная гармония, и всё происходит через борьбу» [3, с. 42]. Важно вовремя понять, какие ценности истинные и ложные, фальси-

фицированные; не противопоставлять явления сущности вне их диалектического единства.

Общественный прогресс традиционно определяют как процесс совершенствования качества жизни личности и форм, в которых закрепляются межличностные отношения, обретая тем самым устойчивость деятельности. В социологическом аспекте это правильно, но социологический ракурс не охватывает общую систему жизни *homo sapiens*. В широком смысле социальный прогресс представляется способом обеспечения человечеству его эволюционного права на особое положение в естественно-исторической среде обитания. Прогресс в общественной жизни возможен только как надстройка над устойчивостью отношений общества с природой, отсюда и особая значимость культурной истории человека. Культура призвана гарантировать фундаментальную безопасность существования общества. В культуре закладывается матрица общественного прогресса, начиная с требований, обусловленных спецификой биологии человека, раздвинувшей приспособительный потенциал и допускающей преобразования в рамках природной целостности.

Безопасность следует оценивать именно в культурологическом контексте. Деструктивные действия в любом спектре культурного выражения общественной жизни социально опасны, независимо от их мотивации. Они подрывают культурный статус социального движения, создают угрозу прогрессу, нарушают требования целостности и сбалансированности сил, обеспечивающих устойчивость развития.

Разумеется, направленные против устойчивости общественного развития действия сами должны обрести силу, сравнимую с инерцией социального движения, чтобы стать реальной опасностью. Политическая культура и заключается в искусстве своевременно блокировать эту опасность. В условиях информационного общества получить достаточные знания для своевременного противодействия деструктивным силам стало проще. Сложнее преодолеть абстрактное толкование демократии, сопряженное с отрицанием необходимости воинствующей профилактики и ослаблением политической воли, ведущее к потере инициативы и времени.

Большинство опасностей создаются или поддерживаются экономической политикой и

уходят корнями в экономику. Абсолютизация значения рынка в новейшей экономической теории своей обратной стороной имеет оттеснение на второй план труда, производящего товары, создающего добавленную стоимость. Роль «человеческого капитала» в развитии экономики признается определяющей теоретически, раскрывается подробно статистически. В конкретном же понимании «человеческий капитал» экономистами и политиками всё чаще сводится к искусству менеджмента и маркетинга.

Практически ориентированное массовое сознание воспринимает изменение расклада сил в современной экономике как эволюцию в направлении к обществу потребления. Производящая трудовая деятельность отодвигается или уже отодвинулась на периферию под напором труда в сфере распределения доходов и организации посреднических услуг на рынке — спекулятивной деятельности. Постклассический капитализм — «империализм», по В.И. Ленину [4, с. 387], характеризуется господством финансового капитала, опосредовано связанного с производством, что ведет к разбалансированию в базовых отношениях товарного производства и финансов, труда и вознаграждения, национальных и частных интересов, общечеловеческих и личных ценностей. В результате растет опасность активизации тех сил, которые не желают либо не надеются достигнуть социальной справедливости в рамках легитимной практики, не считают демократию действенным оружием в достижении своих целей. Сознание в подобных ситуациях, как правило, мифологизируется. Не является исключением и обращение за поддержкой к священным писаниям. Традиционное толкование Корана, по свидетельству религиозных деятелей, искажается, а «лица, пытающиеся оправдать свои преступления ссылками на Коран и Сунну, только отягчают свой и без того тяжкий грех, приписывая Всевышнему Аллаху свои личные пороки и ложные взгляды» [5]. Христианские идеологи также с очевидным напряжением сдерживают активность сектантов, анти- и псевдохристианских религиозных течений.

В XX столетии штормило экономику, политику, не наступил мир и в социальных, национальных отношениях. В 2015 году отдельного внимания удостоилась проблема обострения экологической ситуации под напором нерационально организованного массового произ-

водства — «изменение климата стало одним из самых серьезных вызовов, с которыми сталкивается человечество» [6]. Сложилось обстоятельство, заставляющие задать вопрос: «Почему социальный прогресс обостряет противоречия в обществе?» Ответов может быть два: во-первых, выбраны неверные критерии развития; во-вторых, признавая прогресс, не следует противопоставлять его развитию, так как прогресс является составляющей частью последнего и не исключает всех противоречий развития. Прогресс в конечном виде воспринимается поступательным движением. Процесс же прогресса противоречив, допускает обострение образующихся в движении отношений.

Общественный прогресс — продукт человеческой деятельности в условиях разнообразных отношений людей. История не железнодорожная колея, и мы не машинисты. Социальное движение похоже на поисковую работу геофизиков, ищущих оптимальный маршрут и принимающих на себя нагрузку реальных и возможных угроз. Социальное конструирование, несмотря на научно-технические достижения, остается сферой высокого уровня опасностей. Теоретически можно предположить, что создание ноосферы, реализация программы «живой этики» увеличат человеческие шансы на достижение консенсусного сосуществования и позволят руководствоваться в своем движении общечеловеческими интересами, двигаться по стрелке «социального компаса». Разумность и солидарность способны быть гарантией минимизации отклонения в движении к единой цели людей, разобщенных национальными и экономическими отношениями.

В настоящий момент очевидна необходимость разработки современной классификации опасностей, определения их социального рейтинга с учетом перспективы общественного прогресса. XX век «подарил» нам новое понятие «глобальная проблема». Неудивительно, что оно быстро заняло место в ряду наиболее актуальных направлений познания, привлекло внимание политиков, вызвало в обществе дискуссии — все-таки проблемы касаются всех сознающих ответственность за будущее жизни. Поразительно то, как удалось прикрыть формой «проблемы» реальное значение того, что «упаковали» в абстрактное понятие «глобальная проблема».

Все так называемые проблемы глобального масштаба есть не что иное, как действительные опасности, выросшие в XX веке до транснациональных масштабов. Прежде чем что-то возводить в ранг проблемы, существенно важно определить то, что заставляет вас это делать. Необходимо вскрыть сущность содержания суждения, выставляемого в качестве проблемы. В противном случае формат проблемности может маскировать главное в явлении, а масштаб проблемы – размывать ее происхождение и суть. С понятием «проблема» нередко обращаются слишком вольно, эксплуатируя эффект слова в общественном сознании. «Проблема» ассоциируется с теоретической значимостью чего-то, указывает на актуальность реальности как предмета изучения, а не объекта приложения практического действия.

Глобальные проблемы – это наиболее значительные опасности на пути социального прогресса. Вещи надо называть своими именами. Все глобальные проблемы следует определять как «опасности глобального масштаба» и подчеркивать «опасность» в самом определении. Современное человечество сплело сеть опасностей, соответствующих масштабам нашей деятельности. Базовым фактором нарастания глобальных опасностей для человечества является подчинение политики осуществлению экономической стратегии массового производства нерационального типа, ориентированной на максимальную прибыль и ограничение возможности контроля за ее распределением.

Учитывая особо значимый для общества статус глобальных опасностей, необходимо с осторожностью относиться к оценке разнообразных угроз, чтобы, с одной стороны, не пропустить их необоснованного причисления к глобальным, с другой – не позволить распылить энергию блокирования и нейтрализации реально глобальных опасностей. Построение системы глобальных опасностей имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретически определяется множество угроз данного масштаба, а также системообразующий фактор – негативное влияние на социальный прогресс, обуславливающий их конфигурацию, создается общий образ системы. Практически мы получаем вектор консолидированных действий на наиболее актуальном направлении. Важно достигнуть международ-

ного правового признания системы глобальных опасностей и их адекватной оценки на уровне высших эшелонов власти. Только так можно эффективно противостоять подобного рода угрозам. В противном случае вместо реальной практики придется заниматься схоластическими согласованиями, упуская инициативу и время.

Решающий признак для признания опасности глобальной – реальность угрозы человеческой жизни в транснациональном масштабе. Имеется в виду жизнь в ее естественном комплексе проявления. Угроза не обязательно должна быть непосредственной самим людям, угрозой следует считать и действия на условия, необходимые для их жизни. Разумеется, понятие «человеческая жизнь» берется в ее социобиологическом измерении, т. е. включается культурная образующая как стержневое условие ответственности жизнедеятельности человека.

История глобальных опасностей началась вместе с появлением жизни на планете. Палеонтологи хорошо это знают со времен Ж. Кювье. До рождения цивилизаций, построенных homo sapiens, глобальные опасности имели исключительно естественное происхождение. Природа реализовывала возможный порядок своего движения. Шел процесс восхождения к более сложным системам организации. Катаклизмы были одним из способов осуществления такого самодвижения. В самих катастрофах закладывалось условие продолжения развития. Они имели «отрицательно-положительный» характер. Без этих катастроф не было бы истории человека.

Все остальные глобальные опасности есть продукт самой человеческой истории. Они, видимо, неизбежные издержки противоречивости развития цивилизационного прогресса. Утверждая свои права на определенный образ жизни, люди осознанно либо стихийно ограничивали права на качество существования всего остального. Стремление человека к гегемонии – следствие утраты способности культурного контроля за естественно-историческим процессом. Культуру недостаточно рассматривать в контексте собственно общественного прогресса. Культура – феномен, обусловленный универсальностью развития мира путем диверсификации механизмов движения к более высокой степени организации. Живые орга-

низмы получили преимущество активного перемещения в пространстве и влияния за счет такой активности на время жизни. Человек получил эксклюзивную возможность достроить приспособительную активность энергией преобразования среды обитания. Общество традиционно понимается как способ организации безопасности человеческой жизни. Отсюда делается фундаментальный вывод о верховности общественной организации отношений, безусловности подчинения законам — «закон есть закон». Законы можно и нужно совершенствовать, сохраняя власть закона неизменной.

Однако общественная жизнь возникла из более глубоких движений, ее взаимодействия с неживой реальностью. Качественная определенность биологического статуса человека не сводится к способности преобразовывать среду обитания. Преобразование диалектически отрицает приспособление, предполагает себя как противоположность приспособлению в условиях необходимости взаимосвязанного существования. Нужен был надежный механизм, обеспечивающий устойчивость подобного диалектического единства. Механизм, который бы связывал в единую реальность естественное и историческое, природную закономерность стихийного развития с разумной деятельностью человека. Человеческая разумность лишь отчасти итог саморазвития человека. В нашей разумности выразилась логика развития Природы. Культура выступила в качестве уникального механизма разрешения противоречивости естественного процесса. Она призвана гарантировать разумность реализации особых естественных прав человека на целенаправленное изменение природных явлений, не позволить перейти границу естественного системного порядка. Все наши современные глобальные опасности генерированы или культурными дефектами исторического развития, или попытками нарушить естественный ход природы вопреки культурным предписаниям.

Опасность, встраиваемая в условия жизнедеятельности, объективно требует контрмер — организации безопасного существования. В.И. Даль, раскрывая взаимосвязь опасности и готовности к ее отражению, писал: «Опасные — половина спасенья» [7, с. 676]. К сказанному Далем добавим: другая половина столь же действенной будет тогда, когда окажется столь

же бдительной. Всеобщий масштаб противодействия опасности понимал и отразил в «Левиафане...» Т. Гоббс. Один из создателей теории «общественного договора» предупреждал государство о естественности права граждан отстаивать свою безопасность, если государство не способно будет разработать и реализовать эффективную политику в защиту естественных прав своих граждан: «А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов... каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность» [8, с. 129–130].

Возможности идеального устройства общественных отношений и разумности государства философы и политики, начиная с античности, связывали с преодолением опасностей. Подкрепление своему оптимизму они искали и в идеальной конструкции Космоса, и в логике мышления — «законе тождества», и «самодостаточности» системного развития. Реальность опасности всегда была актуальна для мыслящей части людей. Демократия, как идеология свободы личности и межсубъектных отношений, сконцентрировала идеи достижения возможно безопасного функционирования общества на субъективном статусе жизнепроявления. Неслучайно выросшая к концу второго тысячелетия популярность экзистенциалистской типологии угроз и тревог [9, с. 140–142]. Н.А. Костенко справедливо подчеркивал преемственность представлений об угрозах и тревогах М. Хайдеггера с предшествующим анализом опасностей Ф. Ницше [10, с. 49]. Х. Ортега-и-Гассет проследил зависимость усиления в общественном сознании ощущения тревоги с потерей интереса к культуре. XX столетие он назвал «веком самодовольных недорослей» [11, с. 326]. По его убеждению, «цивилизация — это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одиачание — процесс разобщения... Цивилизация не данность и не держится сама собой. Она искусственна и требует искусства и мастерства... Растущая цивилизация не что иное, как жгучая проблема. Чем больше достижений, тем в большей они опасности» [Там же. С. 329].

Известный психоаналитик К. Хорни выделила три вектора возможных отношений субъекта к сообществу: «направленность к людям», «от людей» и «против людей» [12, с. 27]. Стабилизация вектора поведения ведет к формированию трех типов ментально-невротического склада жизни: «услужливого, готового любой ценой добиваться признания...»; «отрешенного отшельника...»; «агрессивного, жаждущего власти, славы» [Там же. С. 31–73].

Ортега-и-Гассет был одним из первых западных мыслителей, кто прочувствовал приход очередной глобальной опасности, способной быть наиболее деструктивной для человечества, — упрощение культурного потенциала «массового человека». Он сумел вскрыть и направление, которым пойдет процесс минимизации культурных требований к развитию личности, нации, общества, — исторический нигилизм. Нигилизм самого примитивного содержания, усиленного «самодовольством недорослей». «...Новая социальная реальность, — предупреждал философ, — такова: европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности... созрел новый человеческий тип — воплощенная посредственность» [11, с. 333]. И здесь Ортега-и-Гассет явно мыслит в унисон с К. Хорни — «в социальном плане психологический строй этого новичка определяется следующим: во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого — чувства собственного превосходства и всемогущества... И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта — вмешиваться во всё, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно, т. е. в духе „прямого действия“» [Там же. С. 333–334].

Культурный кризис массового человека, политическое индуцирование культурной ограниченности и рафинированный снобизм «элиты» (по сути являющийся также атакой на культурные традиции), завладевшие просвещением и образованием, — это не просто симптомы самой страшной глобальной опасности, это совокупный системообразующий фактор всех угроз цивилизованному, пусть и несовершенно организованному, обществу.

Глобальные опасности феноменально выглядят субъективными, следуя терминологию

постпозитивизма, intersubjectivными. У субъективного и intersubjectivного явлений общая форма реальности, поэтому их различие существенно в гносеологическом аспекте и не имеет особого значения в онтологическом плане. Онтологическая природа опасности скрыта в движении. Движение упорядочено и для своего осуществления предполагает условия — необходимые и достаточные. Необходимые условия движения включены в само движение; достаточные, в отличие от необходимых, не движут, а обеспечивают процесс. Они обусловлены всеобщностью взаимодействия и, так сказать, прокладывают путь движению.

Классификацию глобальных опасностей мы предлагаем проводить с учетом их онтологического качества. Три типа материального движения находят свое выражение в трех формах реальности: стихийно-естественное движение реализуется в форме Природы; разумно-деятельное — в форме бытия человека; естественно-историческое — в общественной форме жизни. Согласно такой диверсификации движения и реальных форм бытия, должны существовать три типа глобальных опасностей: 1) естественные, рожденные развитием Природы; 2) генерированные человеческой деятельностью, т. е. антропогенные; 3) социогенные, произведенные несовершенством социокультурных отношений, — издержки социальной дезинтеграции. Все типы опасностей проходят типично диалектический путь развития от формальной возможности через реальную к действительности.

Действительная форма опасности представляется в качестве угрозы. Угроза — действие, реализующее опасность. В форме угрозы опасность обретает конкретность выражения и вовсе не обязательно, чтобы угроза сопровождалась физическим насилием. Человеческая действительность сочетает мыслительную рефлексию, чувства и физическую реальность, следовательно, действие на любую составляющую человеческого бытия означает действительную акцию и должно быть защищено законодательно: «основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические и национальные приоритеты... для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации...» [13]. Угрозу как

вектор практического воплощения опасности пояснил В. Даль: «...угрожать кому, чем наводить опасность...» [14, с. 470]. Исследователь без труда обнаружит в лингвистических исследованиях Даля указание на реальность угрозы с различных направлений.

Стремление выиграть в экономической конкуренции и социокультурном соревновании любой ценой ведет к разобщению и противопоставлению в мировом сообществе, что само по себе опасно, но еще опаснее, когда конкуренты свое преимущество хотят закрепить политической гегемонией. Современная реальность человечества характеризуется опасным нарастанием противоречий по всему периметру: с Природой; Культурой как общественной памятью, требующей ответственного поведения всех социальных субъектов; Историей как необходимостью транснационального взаимодействия для преодоления амбиций национального эгоизма. Исходя из этого, на наш взгляд, силы социального прогресса должны быть акцентированы не на достижении темпов развития, а на консолидации противодействия глобальным опасностям, интенсивно трансформирующимся в угрозы человечеству. Солидарность в борьбе с глобальными опасностями и угрозами способна придать ускорение решению многих научно-технических, социально-экономических и политических проблем. Формами подобной солидарности могут быть широкая коалиция, региональное сотрудничество, межправительственные соглашения, создание международных ассоциаций, союзов, совершенствование международного права.

Об актуальности международной кооперации свидетельствует и усиление терроризма, расширение планов террористов, изменение масштабов террористической борьбы, нарастание ее агрессивности и срастание терроризма с империалистическими интересами. Без поддержки извне – финансовой, военно-технической, идеологической, информационной – современный терроризм не имел бы перспективы вырасти до размеров мировой угрозы.

Есть основания считать, что при отсутствии согласованного понимания терроризма и скоординированных противодействий террористической практике терроризм сохранит ускорение, набранное к концу XX столетия, и выйдет в авангардный эшелон глобальных

угроз социальному прогрессу. Без большого риска ошибиться можно предположить, что в обозримой перспективе борьба с терроризмом будет проблемой номер один. Пока ясно одно: разрастанию террористической угрозы до глобального масштаба способствуют, с одной стороны, недооценка ее политической реальности, с другой – стремление определенных политических сил в мире использовать террористические организации для продвижения своих интересов. Террористы неплохо приспособились к политическим противоречиям, и первый раунд сложился в их пользу, они своего добились, став явлением мировой политики, заняв место среди глобальных угроз.

Нельзя было, противодействуя террору, без должного внимания оставить его историческую траекторию. Философский и научный анализ террора в системном виде, по существу, начался сравнительно недавно, когда пришло осознание закономерности явления в потоке развития исторического процесса. История террора позволяет выделить три этапа: «архаический», «освободительный» и «деструктивный». Менялся терроризм, изменялось и его толкование. Террористы, решившись на массовые действия, объявили войну на уничтожение всем, кто не приемлет их идеи и средства действия, поэтому и антитеррористическая деятельность свелась преимущественно к форме вооруженной борьбы. Без активных военных действий терроризм не победить, но их явно недостаточно. Надо искоренять террор комплексно, лишая социального и культурного воспроизводства.

Анализ идеологии и истории террора с целью достижения понятийной конкретности – необходимое условие политической и социокультурной характеристики этого феномена. В настоящее время можно констатировать как факт высокий уровень разброса в толковании базовых понятий. Существенно различаются и взгляды на социально-культурные условия воспроизводства рядов террористов. В одной из своих публикаций мы специально исследовали проблему определения террора и попытались дифференцировать искомые понятия «террор» и «терроризм» [15, с. 122]. Здесь же сосредоточимся на обсуждении субъективных предположений распространения терроризма.

Бесспорно, среди основных обстоятельств, провоцирующих выбор личности в пользу при-

соединения к террористам, присутствуют неблагоприятные условия жизни. Многие авторы (В.В. Чеботарев, А.А. Налчаджян, С.А. Кокорин, Ю.Ф. Болдырев, А.В. Никитин и др.) связывают террористический выбор с явлением отчуждения. Отчуждение — необходимая форма выражения отношений личности с обществом. Таким способом каждый человек осуществляет свою социальную реальность. Состояние отчуждения встроено в естественный процесс развития отношений личности и социума, определяется конкретностью условий проявления. В нормальном виде отчуждение подчеркивает значение личности. Когда же отчуждение оказывается аномальным — насильственным, односторонним, оно вынуждает личность искать альтернативные варианты действия для достижения удовлетворения своему, в принципе, естественному праву иметь социальные гарантии нормального становления. В большинстве случаев отклонения в характере отчуждения не приводят в ряды террористов, поэтому важно установить дополнительный фактор, влияющий на выбор террора. Поняв данное обстоятельство, можно прогнозировать динамику роста участников террора и даже политически влиять на ограничение террористического резерва.

Отчуждение по форме осуществления — личностная деятельность, а по существу это явление социальное, в значительной мере обусловленное уровнем социализации личности, ее культурным статусом, соотношением психического и культурного развития. Культура служит «диспетчером» движения чувств, определяет выбор личностью способа отчуждения. Дефекты культурного развития личности и оказываются тем самым дополнительным условием ухода в терроризм. *Бытовые и экономические трудности напрямую мало кого ведут в отряды насильников, к террористам склоняют дефекты психического состояния в условиях культурной ограниченности, отсутствия системного культурного образования.* Культурное развитие может быть различного уровня, главное, чтобы оно сформировалось системно, не сводилось к случайным, частным приобретениям культурных ценностей. Ценность культуры в ее цельности, только в системном выражении культурное развитие способно помочь личности найти дорогу к универсальным человеческим ценностям, преодолеть временные сложности жизни.

Жизнь — это всегда борьба, но борьба в форме терроризма — частный случай, отвергаемый всеми религиями мирового масштаба. И христианство, и ислам, не говоря уже о буддизме и конфуцианстве, относят покушения на убийства к смертным грехам.

Культурная нищета имеет две формы: одна — сознательная отстраненность от культуры, подобно киникам или хиппи, вторая — культурный ералаш, самое опасное состояние сознания, порождающее самомнение.

В истории революционного движения в России наглядно выступила зависимость толкования террора от степени культурного статуса личности. Примером культивирования террора как следствия культурной ограниченности сознания личности может выступить история С.Г. Нечаева. Чиновник III отделения, расследовавший дело Нечаева, дает своему подопечному такую характеристику: «Всюду сквозит крайняя недостаточность его первоначального образования, но видна настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии... но в то же время развились в нем и все недостатки самоучки: подозрительность, презрение, ненависть и вражда ко всему» [16, с. 50]. Остальные члены террористической организации С.Г. Нечаева мало чем отличались от лидера.

На противоположном от группы Нечаева фланге находились революционеры-интеллектуалы. Большинство из них получили университетское либо эквивалентное образование, системное культурное развитие; иными маршрутами двигались их чувства и мысли, другими были понимание террора и отношение к нему. Они так же, как и нечаевцы, признавали террор в качестве способа достижения революционно-демократических идей, но рассматривали подобные действия в порядке исключительной и максимально локализованной меры. Народовольцы сознавали неизбежность конфликта террора с нравственными принципами, допуская снятие противоречия насильственных действий с моральными ограничениями в акте жертвенности за социальные идеи. А. Камю писал о них: «Всю историю русского терроризма можно свести к борьбе горстки интеллектуалов против самодержавия на глазах безмолвствующего народа... Принесенные ими жертвы и самые крайности их протеста способствовали воплощению в жизнь новых моральных ценно-

стей, новых добродетелей. Взрывая бомбы, они, разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие» [17, с. 300].

Большая часть народников вообще не признала эффективность террористических акций, согласившись с террором как «частным делом». К примеру, П.А. Кропоткин, по воспоминаниям М.И. Гольдсмит (М. Корн), «право призывать к террористическим актам признавал только за тем, кто совершает их» [18, с. 185]. Последовательно скептическое отношение к террору Кропоткин никогда не скрывал, равно как и его ближайший соратник С.М. Степняк-Кравчинский. В письме к В.Н. Черкезову Кропоткин высказался прямо: «Вообще, террор возводить в систему, по-моему, глупо» [19, с. 16]. Степняк-Кравчинский пояснял: «Террор — ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это безропотно сносить насилие» [20, с. 307].

Версия о том, что «влияние террористических идей было чрезвычайно велико в российском освободительном движении», «их не чуждались, вопреки распространенному мнению, не только эсеры и анархисты, но и социал-демократы», активно продвигавшаяся в 1990-е годы О.В. Будницким [21, с. 15], отражала увлечения либеральными проектами в обновленной России. Приписывать терроризм социал-демократам можно только за счет подборки «нужных» цитат, оторванных от контекста. Будницкий путает отношение к практическим приемам борьбы с идеологическими принципами. Так и П.А. Кропоткина легко записать в сторонники террора, и П.Л. Лаврова, принявшего участие в Парижской коммуне. Приверженцам идеи популярности террора в революционной борьбе, развернувшейся в постреформенной России, интересно было бы откровение П.А. Кропоткина в «Записках революционера»: «...Та самая молодежь, которую Александр II в слепом страхе и ярости отправлял сотнями в ссылку и в каторжные работы, охраняла его в 1871—1878 годы. Самые социалистические программы кружков мешали повторению нового покушения на царя. Лозунгом того времени было: „Подготовьте в России широкое социалистическое движение среди крестьян и рабочих. О царе же и его советниках не хлопчите“... Теперь я могу обнародовать факт, который до сих пор неизвестен. Из южных губерний приехал однажды в Петербург молодой человек с твердым намерением убить Александр

ра II. Узнав об этом, некоторые чайковцы долго убеждали юношу не делать этого; но так как они не могли переубедить его, то заявили, что помешают ему силой. Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, я могу твердо сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Так твердо была настроена тогда молодежь против той самой войны, в которую она бросилась потом с самоотвержением, когда чаша ее страданий переполнилась» [22, с. 280—281].

Переведя авторский язык художественного повествования на аналитическое описание изменений в отношении к терроризму в части народнического движения, получим то, о чем мы писали ранее: причина принятия сознанием террора — в деформации культурного развития. И совершается этот переход, когда культура личности либо «склеена из осколков» культуры, однобока и примитивна, либо, что бывает значительно реже, антикультура того, против кого (чего) идет борьба, вынуждает сделать заключение о невозможности культурной дуэли. Противник демонстрирует полное пренебрежение к культурным отношениям, заставляя бороться не по правилам культурного поединка, а в жестких рамках отсутствия свободы выбора. Александр II спровоцировал террористическую практику, но даже в условиях террористической борьбы «Народная воля» не отказалась от понимания террора в качестве эксклюзивной, временной, вынужденной обстоятельствами формы действий революционеров. Для народовольцев террор был не столько приемом революционной борьбы, сколько техническим инструментом подготовки революции, средством, заимствованным из истории сопротивления абсолютной власти. И здесь мы согласны с О.В. Будницким, утверждавшим, что П.А. Кропоткин единственным позитивным следствием террористических актов признавал их активирующее воздействие на народные массы [21, с. 314]. Во всех иных ракурсах террор был обречен, о чем убедительно свидетельствует вся история терроризма, включая национальную российскую. Пришедшие на смену народовольцам эсеры не напрягали себя нравственными переживаниями, спокойно миновали культурный барьер в рефлексии по поводу антигуманной сути терактов и выстроили антикультуру терроризма.

Признание нормальности терактов — вызов культурному наследию, переход к культу-

вированию террора – терроризму, вызов культурному будущему, что наглядно показывает современный терроризм. Самое страшное в развитии общества – распад культурной преемственности. «Распалась связь времен», – говорил герой В. Шекспира. С Гамлетом был солидарен А. Шопенгауэр: «Чтобы жить вполне обдуманно и извлекать из опыта же поучения, какие в нем содержатся, для этого нужно чаще обращаться мыслью назад и делать сводку тому, что пережито, сделано, испытано и пережито» [23, с. 197].

Таким образом, ни террор, ни выросший на базе террористической практики терроризм никогда по своей сути не были и не могли быть способом революционной борьбы. В терроре нет ничего созидательного. В частном случае теракты могли иметь локальное политическое значение и условное моральное оправдание в рамках ответной меры на политику, поправшую элементарные нормы естественных прав создающей части населения и общечеловеческой морали. Революционность народнического и эсеровского террора не более чем миф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ницше Ф. Странник и его тень // Соч. В 3 т. Т. 2. М.: Refl-book, 1994. 400 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левина. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
3. Материалисты Древней Греции / под ред. М.А. Дынника. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
4. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. В 55 т. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. 644 с.
5. Гайнутдин Р., муфтий. Фетва о недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны: принято на заседании Совета муфтиев России 28 мая 2002 г. URL: <http://muslim.ru/articles/280/8469/> (дата обращения: 23.12.2015).
6. Путин В.В. Выступление на международной конференции по климату в Париже // Российская газета. 2015. 1 дек.
7. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1981. 779 с.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 452 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 1510 с.
10. Костенко Н.А. Философия и безопасность. Новосибирск: Изд-во ИППКС ФСБ России, 1998. 166 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
12. Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Академ. проект, 2007. 198 с.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
14. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1981. 683 с.
15. Мишин Ю.Д., Кочнев Е.А. Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма // Истор., филос., полит. и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. 3. Тамбов: Грамота, № 10 (60), 2015. С. 118–123.
16. Кункль А.А. Нечаев. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1929. 56 с.
17. Камю А. Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Мн.: Попурри, 1998. 544 с.
18. Корн М. (М.И. Гольдсмит). П.А. Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посв. 10-й годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931. 275 с.
19. Письма П.А. Кропоткина к В.Н. Черкезову, 8 января 1904 г. // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 7–28.
20. Письма П.А. Кропоткина к Н.В. Чайковскому, 2 февраля 1895 г. // Рус. истор. архив. Сб. 1. Прага, 1927. С. 301–317.
21. Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 577 с.
22. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.
23. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Рипол классик, 2009. 368 с.

КОЧНЕВ Евгений Анатольевич — преподаватель Сибирского государственного университета путей сообщения.

Россия, 630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191
e-mail: vulpinos@yandex.ru

МИШИН Юрий Дмитриевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой Сибирского государственного университета путей сообщения.

Россия, 630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191
e-mail: filos@stu.ru

E.A. Kochnev, Yu.D. Mishin

TERRORISM IN THE CONTEXT OF GLOBAL DANGERS OF PEACEFUL DEVELOPMENT OF HUMANITY

The analysis of terrorism is output to the system level of global dangers. It is shown that unbalance of inter-regional and international relations inevitably leads to transformation of terrorism from global danger to the global threat. Terrorism has become a scale of world width phenomenon, and real possibilities of movement organizers allow considering the dynamic of terrorism as a global potential danger for peaceful humanity development. Only total activation of civil society, educational, and scientific mechanisms into anti-terrorist policy can ultimately narrow down a social base of the international terrorism, and prevent the global threat.

ANALYSIS OF TERRORISM; GLOBAL DANGERS; GLOBAL THREATS; CIVIL SOCIETY.

REFERENCES

1. Nietzsche F. Strannik i yego ten' [Wanderer and his shadow]. [Complete works]. In 3 vol. Of vol. 2. Moscow, Refl-book Publ., 1994. 400 p. (In Russ.)
2. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Sense and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p. (In Russ.)
3. *Materialisty Drevney Gretsii* [Materialists of Ancient Greece]. Moscow, Politizdat Publ., 1955. 239 p. (In Russ.)
4. Lenin V.I. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the highest stage of capitalism]. [Complete works]. In 55 vol. Of vol. 27. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 644 p. (In Russ.)
5. Gainutdin R., muftiy. *Fetva o nedopustimosti opravdaniya ekstremizma i terrorizma normami Korana i Sunny* [Fatwah about inadmissibility of a justification of extremism and terrorism standards of the Koran and Sunnah]. [Council of muftis 28.05.2002]. Available at: <http://muslim.ru/articles/280/8469/> (accessed 23.12.2015).
6. Putin V.V. Vystupleniye na mezhdunarodnoy konferentsii po klimatu v Parizhe [Speech on united nations conference on climate change]. *Rossiyskaya gazeta*. 2015. Dec. 1. (In Russ.)
7. Dal' V. *Tolkovyy slovar' velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of great Russian language]. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 779 p. (In Russ.)
8. Hobbes T. [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil]. [Complete works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 452 p. (In Russ.)
9. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Life and time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 1510 p. (In Russ.)

10. Kostenko N. *Filosofiya i bezopasnost'* [Philosophy and safety]. Novosibirsk, IPPKS FSB of Russia Publ., 1998. 166 p. (In Russ.)
11. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass. Estetica. Filosofiya kul'tury* [Revolt of masses. Esthetics. Culture philosophy]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 588 p. (In Russ.)
12. Horney K. *Nashi vnutrennie konflikty* [Our Inner Conflicts]. Moscow, Academicheskii proekt Publ., 2007. 198 p. (In Russ.)
13. [Strategy of national security of the Russian Federation till 2020. Decree of the Russian President]. *Rossiyskaya gazeta*. 2009. May 12. (In Russ.)
14. Dal' V. *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of great Russian language]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 683 p. (In Russ.)
15. Mishin U., Kochnev E. [Relevance of use combination system and dialectic approaches in understanding of terrorism]. [*Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*]. Pt. 3. Tambov, Gramota Publ., no. 10 (60), 2015. Pp. 118–123. (In Russ.)
16. Kunkl A.A. Nechaev. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'nykh poselentsev Publ., 1929. 56 p. (In Russ.)
17. Camus A. *Mif o Sizife. Buntuyuchshiy chelovek* [The myth about Sisyphus. The revolting person]. Minsk, Popurri Publ., 1998. 544 p. (In Russ.)
18. Korn M. (M.I. Goldsmith). [Kropotkin and Russian revolutionary movement]. [*The international collection devoted to the tenth anniversary of death of P.A. Kropotkin*]. Chicago Publ., 1931. 275 p. (In Russ.)
19. [P.A. Kropotkin's letters to V.N. Cherkezov], 8 january 1904. *Katorga i ssylka*, 1926, no. 4 (25), pp. 7–28. (In Russ.)
20. [P.A. Kropotkin's letters to N.V. Chaycovskiy], 2 february 1895. *Russian historical archive*. Col. 1. Praga, 1927. Pp. 301–317. (In Russ.)
21. Budnitskiy O. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh* [History of terrorism in Russia in documents, biographies, researches]. Rostov-na-Donu, Fenix Publ., 1996. 577 p. (In Russ.)
22. Kropotkin P. *Zapiski revolyutsionera* [Notes revolutionaries]. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 504 p. (In Russ.)
23. Schopenhauer A. *Aforizmy zhiteyskoy mudrosti* [Aphorisms of worldly wisdom]. Moscow, Ripol classic Publ., 2009. 368 p. (In Russ.)

KOCHNEV Evgeniy A. — *Siberian transport university.*

Ul. D. Koval'chuk, 191, Novosibirsk, 630049, Russia
e-mail: vulpinos@yandex.ru

MISHIN Yuriy D. — *Siberian transport university.*

Ul. D. Koval'chuk, 191, Novosibirsk, 630049, Russia
e-mail: filios@stu.ru